

Глава 7. Мужское тело

Сюэ Бэйван в спешке загородил собой Бай Чэнцзюэ, не успев произнести и слова в оправдание.

В этот миг небеса словно разверзлись, и под тяжелыми струями ливня Бай Чэнцзюэ бессильно покачнулся, оседая прямо к нему на руки.

В голове у Сюэ Бэйвана помутилось. Забыв обо всем на свете, он подхватил юношу и бросился в гостиницу. Доносившийся со всех сторон досужий шепот зевак жужжал над ухом докучливой мошкаррой, но Бэйван ничего не слышал — все его существо сосредоточилось на ледящем холоде, исходившем от бесчувственного тела.

Сяо Муцзы еще никогда не видел своего господина в таком смятении.

Бэйван бережно уложил юношу на постель, укутал в плотные одеяла и крепко прижал к себе. Глаза его покраснели от подступающих слез; он лихорадочно растирал ткань, пытаясь вернуть тепло окоченевшему телу. Сяо Муцзы тем временем бросился вниз за горячей водой, а вернувшись, вытащил из дорожного мешка две смены чистой одежды и аккуратно сложил на высокий табурет.

— Господин, нужно поскорее согреть его. Я уже велел слуге приготовить имбирный отвар, натаскать горячей воды в лохань, а хозяина попросил кликнуть лекаря из здешних. Не изводите себя так.

Сюэ Бэйван лишь молча кивнул. Позабыв о приличиях, в которых его воспитывали с малых лет, он принялся торопливо стягивать с Бай Чэнцзюэ промокшие одежды.

Но стоило ему распахнуть ворот рубахи, как он замер: на груди у юноши красовалась искусно повязанная накладка, придававшая телу женские очертания.

Сяо Муцзы, не дождавшись ответа, заглянул через плечо господина и затараторил:

— Господин, сейчас не до благочиния! Девушка всю ночь на холоде провела, надо бы горячим полотенцем обтереть эту бары...

Тут слуга осекся. На его глазах Сюэ Бэйван развязал тесемки накладки, обнажив совершенно плоскую грудь. Сяо Муцзы лишился дара речи.

— Господин... кажется, это вовсе не девушка.

— Полотенце, — коротко бросил Сюэ Бэйван.

Слуга сглотнул, кивнул и послушно вложил в его руку согретую в воде ткань.

Сюэ Бэйван склонился над постелью, бережно обтирая изящное тело. Он осторожно коснулся тонких пальцев с точеными суставами.

Затем, приподняв юношу, чтобы обтереть спину, Бэйван обомлел: вся бледная кожа была испещрена багрово-синими полосами от ударов тяжелой линейки. Сердце у него болезненно сжалось.

«Как я мог быть столь безжалостным? Позволил ему, израненному, всю ночь простоять под дождем у порога...»

Он до крови прикусил губу, стараясь как можно нежнее обрабатывать воспаленные рубцы.

Когда слуги внесли деревянную лохань и наполнили ее дымящейся водой, Бэйван опустил руку, проверяя, не горячо ли, а затем бережно перенес Бай Чэнцзюэ в воду.

Юноша так и не пришел в себя. Он бессильно откинул голову на деревянный край, а на искусанных губах выступили алые капли крови.

Глядя на его хрупкую, беззащитную фигуру, Сюэ Бэйван чувствовал, как душу его разрывает раскаяние. Он опустился на колени у края лохани, одной рукой сжал постепенно теплеющие пальцы юноши, а другой с размаху влепил себе звонкую пощечину.

— Господин, вы что...

Бэйван отрешенно посмотрел на опешившего слугу и ударил себя еще раз — так сильно, что звук эхом разнесся по комнате.

Сяо Муцзы испуганно перехватил его за запястье:

— У вас же кровь пошла! Полно вам себя изводить!

— ... Я лишь не хотел, чтобы он пострадал из-за меня, — глухо отозвался Бэйван. — Кто же знал, что все так обернется.

— Вы ведь из лучших побуждений действовали. Кто мог предугадать, что эта бары... то есть молодой господин окажется столь упрям и наотрез откажется уходить?

Эти слова всколыхнули в памяти Бэйвана недавний образ: Бай Чэнцзюэ, кротко улыбающийся сквозь потоки дождя, безмятежно говорит о том, что им больше не суждено увидаться. Его

тихий голос, сорванный ночным холодом, казался теперь острым лезвием, безжалостно полоснувшим по сердцу.

Сяо Муцзы, видя, как жестоко корит себя хозяин, попытался его утешить:

— Да и винить себя во всем не стоит, господин. Он ведь сам утаил от вас, что он мужчина.

— Он вырос в притоне, — покачал головой Сюэ Бэйван, терпеливо осушая полотенцем мокрые волосы юноши. — Там мало что зависит от твоей воли. Будь у него выбор, какой статный муж согласился бы рядиться в женские шелка да торговать улыбками в Тереме Сотни Ароматов?

Сяо Муцзы молча кивнул.

Он окончательно понял: его господину было совершенно неважно, мужчина перед ним или женщина, знатный ли это вельможа или безродный бедолага. Ему был дорог сам этот человек.

Сюэ Бэйван велел застелить постель сухим бельем и вытащил юношу из воды.

Ему, царскому сыну, еще никогда не приходилось ухаживать за больными.

Когда он поднимал его, локоть Бай Чэнцзюэ глухо стукнулся о край лохани. Бэйван испугался и, едва уложив юношу на кровать, принялся торопливо осматривать ушибленное место.

Заметив на тонком запястье наливающееся багровое пятно, он принялся неловко растирать его своими загрубевшими пальцами.

Юноша в беспамятстве жалобно застонал от боли.

— Господин, да полегче вы! — зашептал Сяо Муцзы. — У него ручки тонкие, как веточки, вы же ему так все кости переломаете!

Сюэ Бэйван виновато прикусил обветренные губы. Глядя на покрасневшую кожу, он совершенно растерлся, не зная, как подступить к больному.

Он с надеждой воззрился на слугу:

— Может, ты попробуешь? Я ведь только с грубыми вояками дело иметь привык, с такими неженками и не знаю, что делать.

— Ладно уж, давайте я.

Бэйван осторожно коснулся пальцами запястья Бай Чэнцзюэ:

— Только вот здесь три. В другие места рук не распускай.

Сяо Муцзы покорно кивнул. Но стоило ему протянуть руку, как Сюэ Бэйван тут же перехватил его ладонь.

— Постой. Давай-ка я сначала на тебе силу испробую, а потом уже его растирать буду.

Слуга лишь вздохнул от такой нелепости:

— Господин, а когда лекарь придет, вы его тоже близко не подпустите?

— Если он даже диагностику по нити провести не горазд, то грош цена такому лекарю, нечего ему тут делать, — отрезал Бэйван.

Сяо Муцзы не нашелся, что ответить.

Ему оставалось лишь безропотно подставить руку. Бэйван то сжимал ее сильнее, то отпускал, пока слуга подсказывал, когда больно, а когда в самый раз. Лишь после доброго десятка попыток, когда Сяо Муцзы тихо пробурчал под нос: «И откуда у нашего господина столько глупости?», а Бэйван даже не подумал спорить, нужная мера была найдена. Только тогда Сюэ Бэйван вновь взял хрупкую руку Бай Чэнцзюэ и принялся бережно растирать ушиб.

Когда Бай Чэнцзюэ пришел в себя и приоткрыл глаза, он увидел склонившегося над ним Бэйвана, который с величайшей заботой растирал его запястье. Он сжимал руку с нужной силой — мягкой и успокаивающей. Почувствовав это, юноша попытался осторожно высвободить руку, но широкая, горячая ладонь воина лишь крепче сжала его пальцы.

Он коснулся нежной кожи шершавыми мозолями от рукояти меча.

— Прости меня, — негромко произнес Бэйван.

Бай Чэнцзюэ высвободил руку и слабо улыбнулся. Заметив, что его переодели, он заговорил своим настоящим, мужским голосом, не пытаясь более подражать девичьему нежному напеву:

— К чему извинения? Вы ведь были правы, господин. Цзюэюй — всего лишь продажная душа из веселого дома. Нам не следовало сближаться.

— Вчера я наговорил лишнего в запальчивости. Прошу, не держи на меня обиды.

Бай Чэнцзюэ приоткрыл рот и зашелся в глухом кашле, содрогаясь всем телом.

Сюэ Бэйвана словно лихорадка обуяла. Позабыв обо всем, он натянул одеяло повыше и крепко прижал юношу к своей груди, коснувшись лбом его лба.

Даже в Тереме Сотни Ароматов ни один гость не смел приближаться к Бай Чэнцзюэ столь бесцеремонно.

От этой внезапной, обезоруживающей близости тело юноши на мгновение одеревенело.

— Лоб совсем горячий, — обеспокоенно пробормотал Бэйван. — Поживи пока в этой гостинице, поправь здоровье. Как окрепнешь, я подыщу тебе хорошее жилье.

Заметив легкое замешательство на лице юноши, он поспешно добавил, боясь, что тот истолкует его слова превратно:

— Я вовсе не хочу от тебя отделаться. Как только выдастся свободная минута, я сразу же буду приходить и навещать тебя.

— Неужто господин Сюэ вознамерился укрыть красавицу в золотом тереме?

Сюэ Бэйван пулей отпрянул от постели, сильно покраснев.

— Я... я буду заботиться о тебе как о младшем брате! И помыслов дурных у меня нет, клянусь!

Бай Чэнцзюэ плотнее закутался в одеяло, глядя на него затуманенным, влажным взором, способным растопить даже самое суровое сердце:

— Брат, мне холодно.

Немного помедлив, Бэйван снова присел на край кровати, прижал юношу к себе и принялся мягко растирать его плечи поверх одеяла.

— Так теплее?

— Да, гораздо теплее.

Тут его взгляд вновь упал на израненную спину, где сквозь щелку в одеяле виднелись багровые следы.

— Откуда эти раны?

Бай Чэнцзюэ едва приоткрыл глаза и доверчиво прильнул к его груди, устроившись поудобнее.

— В тот раз, когда я втайне ушел проводить вас в лесной хижине... Тётушка Лань проведала об этом. Решила, будто я надумал бежать, вот и проучила немного. Пустяки, не стоит беспокоиться.

<http://bllate.org/book/18210/1747588>